

9(c)2

Б284

П.

П.

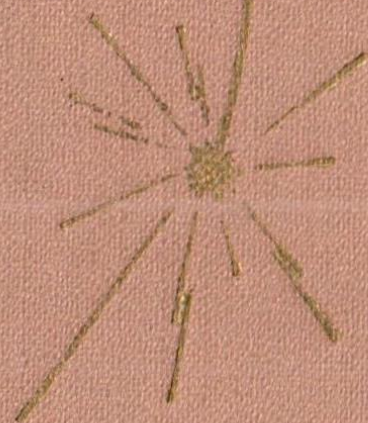
Б

А

Т

О

В

ПОХОДАХ

И БОЯХ

Павел Иванович
БАТОВ

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

Генерал армии
П. И. БАТОВ
Дважды Герой
Советского Союза

В ПОХОДАХ И БОЯХ

1340037

Хабаровск, краевая
библиотека

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1962

В своих воспоминаниях дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов рассказывает о людях прославленной 65-й армии, прошедшей с боями от Волги до Одера. Читатель познакомится с замыслом и осуществлением ряда выдающихся операций, в которых участвовала армия под командованием П. И. Батова, узнает о многих героях, чьим мужеством и мастерством добывались победы. Книга привлекает раздумьями о качествах командира, об искусстве воинского воспитания, о пламенном партийном слове, которое вдохновляет людей и ведет их на подвиг. Эти рассуждения тем более интересны, что принадлежат они крупному военачальнику, за плечами которого большой и трудный жизненный путь: он начал военную службу еще в окопах первой империалистической войны, участвовал в походах отрядов молодой Красной Армии, добровольцем сражался в Испании.

Советские люди знают генерала Батова и как общественного деятеля. 18 марта 1962 года народ избрал его, уже в пятый раз, депутатом Верховного Совета СССР. Армейские коммунисты оказали ему высокое доверие, послав своим делегатом на XVIII, XIX, XX, XXI и XXII съезды нашей партии.

Книга рассчитана на широкие массы читателей.

Солдатам, офицерам и генералам
65-й армии с глубокой любовью
посвящаю.

Автор

РОЖДЕНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТОЙ

Донской фронт в октябре. — «Четырех-
танковая армия». — Немного истории. —
Наш штаб. — Максим Пассар и другие. —
В дивизиях ударной группы. — План контр-
наступления.

Чем ближе к Дону, тем заметнее солдатскому глазу, что здесь готовятся к большим делам. Ночью шли и шли войска. Днем, куда ни взглянешь, — рассредоточенные и замаскированные танковые части, артиллерийские полки, колонны грузовиков. К небольшому хутору Мало-Ивановка проносились одиночные командирские машины. Потянулись линии связи. Здесь расположен центр управления войсками фронта.

Встреча с Рокоссовским была короткой:

— Говорить сейчас некогда. Зайди в штаб, к Казакову и обязательно к Желтову, они дадут ориентировку... Чуйкову очень трудно. Еще никогда там не было так трудно. Помогаем, чем можем. Но главное теперь для нас уже не в этом. Ясно? Рекомендую сегодня же выехать в армию. Разберешься и доложишь. Особое внимание обрати на клетский плацдарм.

В штабе работа шла полным ходом. Принимались новые соединения. Готовили к передаче вновь организуемому Юго-Западному фронту боевой участок в среднем течении Дона. Большое внимание уделялось левому крылу фронта, где войска вели бои с прорвавшимся к Волге противником в районе Ерзовки. Малинина я не застал: он как раз выскочил с заместителем командующего К. П. Трубниковым на левое крыло, где наши части вели изнурительный бой с 60-й немецкой механизированной дивизией с целью пробиться к северной группе 62-й армии. В этот же день Малинин связался с КП фронта. Произошел такой разговор:

— Как там дела, Михаил Сергеевич, части могут наступать? — спросил Рокоссовский.

— Могут и будут наступать, — ответил Малинин. — Прошу лишь прислать одного крепкого комдива. Здешний годится в интенданты. Обнаружили его НП в боевых порядках соседней дивизии. Наводим с Кузьмой Петровичем порядок.

В штабе фронта ждали представителей Ставки. Должен был также приехать генерал Н. Ф. Ватутин, назначенный командующим вновь созданным Юго-Западным фронтом. Позже мне стало известно, что 4 октября состоялось первое совещание представителей Ставки и командующих фронтами, посвященное подготовке контрнаступления. Второе совещание, с участием руководителей трех фронтов, было в конце октября.

Берег Волги весь в огне. Даже из Мало-Ивановки на горизонте видно громадное облако дыма. В темноте небо там полыхало грозой. 4 октября начались жаркие бои на территории Тракторного завода. Немецкое командование по-прежнему было обуреваемо идеей отбросить наши войска за Волгу, хотя с военной точки зрения эта идея в октябре уже себя исчерпала. Вражеская группировка с ее мощным ударным кулаком, направленным к волжскому берегу, с ее растянутыми, подобно хвосту кометы, флангами, по существу, зашла в тупик. С дьявольским упорством, пытаюсь сбросить героев 62-й и 64-й армий в реку, немцы еще тешились мыслью, будто инициатива у них в руках. На деле это уже было не так. Стратегическая инициатива перешла в руки нашего командования. Отсюда и следовало исходить, оценивая все, что делал и должен был делать наш Донской фронт. Первая, ближайшая его задача состояла в организации взаимодействия с войсками, непосредственно оборонявшимися у Волги. Стоявшие на рубеже Ерзовка — Трехостровская 66-я, 1-я гвардейская и часть сил 24-й армии нависали с севера над основным ядром вражеской группировки и вели весь сентябрь и в начале октября непрерывные наступательные действия. Успех был невелик, если судить по отвоеванной территории. Не удалось ни прорваться к героям 62-й армии, ни поко-

натуры. Такой человек был неоценимой находкой для командарма. Можно было спокойно отдаваться работе в войсках, зная, что принятое решение будет разработано творчески, со скрупулезной точностью.

Покончив с делами, все сели ужинать. В управлении армии стало обычаем — обедать вместе, ужинать вместе. Товарищество во фронтовом быту играет не последнюю роль, отнюдь не нарушая норм строгой военной субординации... Начальник штаба обвел стол вопрошительным взглядом, но мой ординарец Геннадий Бузинов с обиженным лицом уже тащил попыхивающий паром самовар. Геннадий был хорошим солдатом и преданным боевым другом, однако у нас было непримиримое расхождение во взглядах. Он считал ниже своего достоинства потчевать офицеров чаем, предпочитая фляжку и «положенные сто грамм».

В сениях раздался шум и приглушенные голоса.

— Радецкий вернулся из триста четвертой, — сказал Лучко.

В избу вошел невысокий, широкоплечий, неторопливый в движениях бригадный комиссар, представился и присел с нами к столу. Этот человек меня особенно интересовал. От организаторской работы политического отдела зависело, насколько успешно удастся новому командующему развернуть подготовку войск к активным наступательным действиям, мобилизовать и управление армии, и штабы соединений, и всю массу солдат и офицеров. Радецкий докладывал о 304-й дивизии, в которой провел минувший день с группой политработников. Снайперы дивизии вели попутно наблюдение за тем, что делается у противника. Политотдел, оценив этот опыт, подхватил его и готовил армейский слет разведчиков и снайперов.

— Если вовлечем всех снайперов в разведку, то наш Никитин получит сотни новых пытливых глаз и массу важных сведений о переднем крае немцев...

Слушая начальника политотдела, я проникался к нему симпатией. Думалось, что в этом спокойном и уравновешенном офицере, умеющем уловить новое в жизни частей, всегда найду надежную поддержку. Обучить снайперов разведке? Прекрасная инициатива! Как раз то, что было нужно в то время.

— Когда же будет слет?

— Думаю, дня через два в Ново-Григорьевской, у Меркулова.

— Меркулов? Его не Серафимом ли Петровичем звать?

— Да, это он, — ответил Глебов. — Ваш сослуживец?

— Пожалуй, больше, чем сослуживец!

В Рыбинске, в полковой школе был у меня Меркулов курсантом. Способный, жадный до знаний. Любимый ученик. Так хотелось вырастить из этого крестьянского юноши настоящего красного офицера!.. Лютой зимой сорокового года мы снова встретились с ним в Финляндии на реке Тайполен-Йоке. Меркулов уже командовал полком, который прославился при разведке и штурме дотов. Каков-то он теперь на дивизии? Радецкий, почувствовав, какие волнующие воспоминания у меня на душе, улыбался одними глазами и рассказывал, что 304-я дивизия на хорошем счету.

Я его сразу узнал, как только вошел в большой сарай, где собрался цвет наших дивизий. Он стоял у стола, покрытого куском красной материи, такой же, как запомнился мне, — стройный, с зычным командирским баском. Только седина уже легла на виски. Меркулов стремительно пошел навстречу, хотел доложить по всей форме, но не вышло. Мы обнялись и расцеловались, как отец с сыном, оба растроганные. Вокруг слышался одобрительный шепот солдат. Нет ничего в мире красивее честной солдатской дружбы.

— Показывай своих учеников!

Командир дивизии повернулся, широким жестом охватывая собравшихся:

— Вот они все, наши орлы, товарищ командующий...

На слете выступали разведчики, рассказывали мастерам меткой стрельбы о приемах и технике наблюдения. Выступали снайперы, уже овладевшие второй военной профессией. Подполковник Никитин сидел среди бойцов и, положив на колени планшет, что-то рисовал, должно быть, показывал, как наносить на карту все, что замечено у врага. Поблизости от стола президиума разместились кучка артиллеристов. Меркулов объяснил, что это снайперские расчеты из 27-й гвардейской дивизии.

— Гвардейцы нас в этом деле опередили, но и у нас в дивизии орудийные расчеты усилили тренировку. В здешней местности одиночное орудие сопровождения пехоты должно сыграть большую роль.

Плодотворная мысль! Мы постарались ее осуществить при подготовке к наступлению.

Настали торжественные минуты. В присутствии всех собравшихся два лучших снайпера армии — Максим Пассар и Александр Фролов — были сфотографированы под боевым Знаменем. Они стояли перед алым полотнищем, два неразлучных друга: рослый русский юноша с непокорным бобриком светлых волос и смуглый, похожий на мальчугана, весь как пружина, нанец. На груди поблескивали ордена Красного Знамени. Зал аплодировал. Эти два героя истребили больше полутысячи фашистов, из них 380 гитлеровцев уничтожил Пассар. Имя его было известно всему Донскому фронту. Немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в адрес Максима Пассара. Я знаю еще только одного человека, тоже снайпера нашей страны, на которого тогда фашистские пропагандисты с такой же ненавистью обрушивали свою злобу, — это Илья Эренбург.

Фролов говорил: — Мне, товарищ командующий, за Максимом не угнаться.

Пассар утешал его:

— У нас, Саша, общий счет, — и, полуобернувшись к залу, добавил: — У всех один общий счет!

Фотографией у Знамени Пассар очень дорожил:

— Пошлю отцу, пусть гордится народ.

В устах русского подобные слова, вероятно, показались бы неуместными, а у нанайца Пассара в них выразился весь символ веры. Маленький народ, униженный и забитый в царской России, получил от Советской власти свободу, равноправие, благополучие. Отсюда обостренное чувство национальной гордости, столь характерное для нашего знаменитого снайпера.

Александр Фролову некуда было посылать фотографию. В родном Городище у Волги хозяйничали гитлеровцы.

— Вот мы освободим мою родину, приезжайте в гости, товарищ командующий!

— Непременно, товарищ Фролов. За немногим дело — надо только разбить немцев.

В освобожденном Городище в январе 1943 года я действительно встретил снайпера Фролова. И Максим Пассар был с нами. Он лежал под мерзлыми кусками земли, захороненный руками боевого товарища. В последнюю свою атаку Максим шел, как всегда, неистово. Треух развевался на бегу. Полушубок нараспашку. Гимнастерка и рубаха расстегнуты, обнаженная грудь подставлена навстречу обжигающему ветру. Таким я хотел бы видеть памятник этому замечательному солдату.

Под вечер «виллис» доставил нас с Меркуловым к Дону. Днем на плацдарм не перебраться, убьют ни за грош. У причалов возились понтоны и саперы, покачивался на мелкой волне паром. Быстро приготовили резиновую лодку. До середины реки доплыли благополучно, но вдруг над головами провизжало несколько снарядов. Один разорвался метрах в пятидесяти, плеснув в нашу скорлупку добрую порцию воды.

— Заметили, — пробасил усатый понтонер.

Противник вел огонь батареей из четырех орудий. Лодка прыгала на волнах, как во время шторма.

— Оставил завешание? — спросил я комдива.

— Дела плохи... Погибнешь — и добрым словом не помянут. Дурак, скажут, командарма потопил!

Лодка уже вошла в старое русло, скрытое от наблюдения противника.

Клетский плацдарм держали части 304-й и 27-й гвардейской дивизий. Они глубоко зарылись в землю. Передний край протянулся по низине, заросшей редкими кустами вербы. Впереди, подобно крепостям, возвышались занятые противником высоты. При свете ракет поблескивали их крутые меловые скаты. Слева угрожающе навис над нашими позициями крупный узел сопротивления Логовский, в центре и чуть правее — высота 135,0 и Мало-Клетский. За ними, в глубине вражеской обороны, в направлении к Ореховскому, опять шли сильно укрепленные высоты. Противник готовил этот рубеж в течение полутора месяцев. Плацдарм наш был невелик — до пяти километров глубиной и примерно столько же по фронту. Этот «пяточок» во всех направлениях простреливался неприятельским огнем.

Всю ночь мы с С. П. Меркуловым, а затем и с командиром 27-й гвардейской дивизии генерал-майором